

ФАНТАСТИКА

**ПОМОЧЬ
МОЖНО
ЖИВЫМ**

Порфирий Инфантьев

На другой планете

Инфантьев П. П.

На другой планете / П. П. Инфантьев —

Повесть из жизни обитателей Марса.

Содержание

Вместо предисловия	5
I	7
II	12
III	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Порфирий Инфантьев

На другой планете

Вместо предисловия

Эта книга находилась уже в печати, когда в «Новом времени» появилось сообщение, перепечатанное потом очень многими другими газетами, следующего содержания:

«Если верить сообщению г. Вольфрида Фонвьеля в газете «Matin», событием дня в астрономическом мире являются сигналы с Марса. Они были наблюдаемы 8-го декабря мист. Дугласом, заведующим обсерваторией Флагстафа в штате Оризона. Об этом сообщено центральному астрономическому бюро в Киле директором Гарвардского университета, а бюро со своей стороны протелеграфировало это известие всем обсерваториям мира; парижская обсерватория сообщила известие во всеобщее сведение; несколько дней спустя оно было опубликовано в лондонской «Nature» и в «Astronomische Nachrichten».

Астрономы в последние годы все более и более проникались убеждением, что Марс населен, и что население его, по-видимому, обладает цивилизацией высшего порядка. Вся планета изрезана системой каналов, далеко оставляющих за собой гигантские гидравлические сооружения древних монголов, китайских императоров и египетских царей. Поверхность Марса покрыта темными пятнами, в которых наблюдатели видят внутренние моря. Одно из таких морей, расположенное поблизости первого меридиана, равное по площади поверхности Франции, названо морем Икарии.

Наблюдая это море, мистер Дуглас был поражен следующим странным фактом: он внезапно заметил серию блестящих огней, расположенных по прямой линии, тянувшейся на несколько сот километров. Эти гигантские огни горели в течение часа и десяти минут и затем исчезли столь же внезапно, как внезапно и появились. Это расположение огней на прямой линии как бы указывает на волевое, разумное действие, а одновременность возникновения и исчезновения их подтверждает это предположение. За планетой зорко наблюдают астрономы, и всякое повторение этих сигналов не ускользает от их внимания. Они имеют два месяца для наблюдения, так как 22-го февраля Марс вступает в положение, препятствующее наблюдениям».

В дополнение к этому сообщению «Новое время» на днях добавило следующие строки:

«Ввиду возникших в печати и обществе сомнений относительно достоверности сенсационной астрономической телеграммы о сигналах с Марса, мы навели по этому предмету справки в астрономической обсерватории Петербургского университета, директор которой проф. С. П. Глазенап сообщил нам содержание этой циркулярной депеши, заключающей в себе следующее известие из Кембриджа (в Массачусетсе) от 8-го декабря (25-го ноября):

«Дуглас из Лоуэлльской обсерватории телеграфирует: «Прошлою ночью световой знак в северном углу моря Икариум держался в течение семидесяти минут. Пикеринг». Эту – телеграмму Пикеринга, директора центральной американской обсерватории в Кембридже, бюро астрономических депеш в Киле передало 26-го ноября (9 декабря) циркулярно всем европейским обсерваториям, в том числе Пулковской, которая известила русские университетские обсерватории. Такая же циркулярная депеша, подобно всем депешам кильского бюро, была напечатана полностью в одном из последних номеров специального международного астрономического журнала «Astronomische Nachrichten».

Сообщение это является для меня как нельзя более кстати. Прежде чем решиться публиковать свое приключение, бывшее со мною когда-то в горах Монблана, я долго, ввиду его

необычайности, колебался – стоит ли это делать? Поверит ли кто-нибудь в возможность того, что я буду описывать? И не поднимут ли меня на смех? Но теперь, когда во всем образованном мире так настойчиво заговорили о разумных существах на Марсе, подающих нам на Землю сигналы, я с более легким сердцем выпускаю в свет свою книгу.

Гор. Новгород

17-го декабря 1900 г. Автор

I

В июле 1887 года, будучи студентом, я предпринял вместе с одним моим приятелем путешествие пешком по Швейцарии.

Отправившись из Женевы вдоль берега Женевского озера, мы вступили в Ронскую долину и по Симплонскому ущелью перевалили в долину Шамуни, откуда намеревались, поднявшись на ледник Mez de Glace, перейти Монбланские высоты и спуститься в Италию. Дорога эта трудна и опасна, так что туристы, не знающие хорошо путь через Монблан, обязательно берут с собою проводников с лестницами, веревками, дровами и провизией, потому что приходится иногда пролагать себе дорогу в ледниках, переползать по лестницам через зияющие расселины и пропасти, ночевать под открытым небом и т. п. Но в то время мы оба с товарищем были молоды и неопытны. Мы не расспросили даже как следует ни о предстоящих опасностях, ни о препятствиях, могущих встретиться на пути. Мы рассуждали, что если другие ходят по этой дороге, то почему же и нам по ней не пройти? Брать проводников мы считали излишним, да, к тому же, мы и не были настолько богаты, чтобы позволить себе это. Как истинно русские люди, мы рассчитывали в этом случае на «авось».

Однако, очутившись в царстве вечных снегов, среди совершенно голых, диких скал, не видя нигде даже и признаков какой-нибудь тропинки или следа, мы скоро поняли, что поступили немного опрометчиво. Куда идти? Какого направления держаться? Везде серые скалы, снег, ледники, пропасти, стремнины... Чтобы не терять направления, можно было руководиться, конечно, компасом; но такой руководитель в этих местах далеко не достаточен. Мы могли проблуждать очень долго и все-таки не попасть, куда следует; между тем провизии у нас с собою было всего дня на два, а наша одежда была слишком легка для той температуры, которая была на этой высоте. Возвратиться, — значит, сознаться в своем легкомыслии... Нет, лучше вперед, что бы там ни было! Авось, как-нибудь, куда-нибудь да и выберемся!

И вот, огибая одну скалу за другой, одну за другой обходя пропасти, мы, наконец, совершенно заплутались и потеряли даже и ту дорогу, по которой пришли. Положение наше сделалось очень щекотливым. Между тем наступила ночь, и стало слишком свежо. С большим трудом набрали мы из жидких кустиков и сухой травы в ложбинах кое-какого материала для огня и развели маленький костер. С нами была дорожная спиртовая лампа, мы сварили чай, зажарили мяса, поужинали и кое-как скоротали ночь. На утро опять в путь, и опять наугад. Мы рады были бы теперь уже и обратно возвратиться, но и обратную дорогу оказывалось отыскать было невозможно. Нам приходилось иногда ползти и карабкаться по довольно опасным крутизнам, но делать было нечего, нужно было, во что бы то ни стало, поскорее выбраться из этого лабиринта камней, утесов и ледников. Прогнозав прошлую ночь, мы не хотели рисковать провести еще другую, такую же мучительно-холодную.

Наконец, окончательно потеряв голову и не зная, где находимся, мы решили взобраться на одну встретившуюся нам снежную вершину, чтобы взглянуть оттуда на долины внизу, ориентироваться и высмотреть удобный спуск.

Сказано — сделано. Опираясь на свои альпенштоки, мы стали карабкаться наверх, ежеминутно рискуя соскользнуть с затвердевшей снежной коры и скатиться вниз. Я карабкаюсь впереди, мой товарищ за мной. Еще одно усилие — и вот я, наконец, на вершине, на самом гребне горы; но вдруг — трах!.. Ледяная кора подо мной проваливается, и я стремглав лечу вниз, в бездну, оказавшуюся на противоположном скате и скрытую от меня снежным гребнем, нависшим над нею; ударяюсь обо что-то и теряю сознание...

Когда я очнулся, то увидел, что лежу в груди мелкого мокрого снега, полузасыпанный; мое лицо лизала огромная сенбернардская собака, а подле меня суетились какие-то два чело-

века, один из которых старался выпростать мне ноги из-под засыпавшего меня снега, а другой укладывал подле носилки, намереваясь положить меня на них.

– Эге, наконец-то вы очнулись! – сказал по-французски один из незнакомцев, высокий, бодрый старик в очках.

Испытывая страшную слабость, я попытался было подняться на ноги, но тотчас же почувствовал головокружение и снова впал в бессознательное состояние.

Долго ли я пробыл в таком положении – не знаю; помню только, что все время мне чудилось, будто где-то вблизи меня играет огромный оркестр, и я испытываю невыразимо-приятное наслаждение от этой музыки.

Когда я снова открыл глаза, то увидел, что нахожусь уже в комнате, на чистой постели, раздетый, в одном белье. На кресле возле меня сидел тот же самый господин в очках, которого я видел во время своего первого пробуждения. Он внимательно наблюдал за мной, и лишь только заметил, что я раскрыл глаза, как, с доброй улыбкой обратившись ко мне, проговорил:

– Пора, молодой человек! Давно пора! Правда, вы сделали довольно-таки рискованный воздушный полет, но, кажется, у вас никаких серьезных повреждений нет; ваш обморок происходит единственно от сильного потрясения, которое вы испытали. Надеюсь, что это не будет иметь серьезных последствий.

Я попробовал опять привстать на постели.

– Те-те-те! – остановил меня мой собеседник. – Не торопитесь! Ради бога, не торопитесь! Вам нужно совершенно успокоиться, привести свои чувства и нервы в порядок, – иначе у вас может опять повториться прилив крови. Пока я вам совершенно запрещаю вставать с постели. Вот выпейте-ка лучше вина, – это вас подкрепит, а затем попробуйте заснуть.

И он налил из стоявшей на столе бутылки стакан красного вина.

– Да, остаться совершенно невредимым после полуторастасаженого сальто-мортале – почти невероятная вещь, – продолжал словоохотливый незнакомец, – но, однако же, к счастью, вы отделались дешево, – с чем вас и поздравляю!

– Я уверен, что, не будь вас, я не отделался бы так счастливо, – заметил я.

– О, помилуйте! Я тут почти ни при чем. Случаю было угодно, чтобы в тот самый момент, когда вы карабкались на вершину этой злополучной горы, я находился в своей обсерватории. Я астроном, у меня здесь, на верху этой комнаты, своя обсерватория, – пояснил он. – И вот, смотрю я в трубу, карабкается человек, и вижу, что ему несдобровать, так как карабкается он почти на верную погибель, а предупредить об опасности нет возможности. У меня сердце разрывается от боли... и вдруг – трах!. Ну, думаю, кончено! Погиб человек! Кричу своего Жозефа – слугу, беру собаку, захватываем носилки, чтобы хотя труп ваш извлечь из-под обвала, и каково же было наше изумление и радость, когда вы оказались жив и даже невредим!..

– Но мой товарищ?! Скажите, ради бога, что случилось с моим товарищем? Раз вы видели меня, вы не могли, конечно, не заметить и его! – с беспокойством вскричал я, вспомнив о своем спутнике.

– Успокойтесь! Ваш товарищ также цел и невредим. Когда вы провалились вместе с предательским снежным гребнем горы, до которого, к счастью, не успел еще добраться ваш товарищ, ему ничего более не оставалось, как спуститься обратно. Когда мы доставили вас сюда, я хотел отправить Жозефа привести сюда же и вашего спутника, но оказалось, что он встретился с какими-то туристами и, разумеется, теперь уже без нашей помощи разыщет дорогу. Может быть, будет беспокоиться о вашей участи; вероятно, предпримет розыски, но не беда. Послезавтра Жозеф пойдет в Шамуни за провизией и вас, кстати, туда проводит; а пока – вы наш гость, и вам необходимо отдохнуть и как следует собраться с силами.

– Позвольте мне узнать, милостливый государь, – сказал я, – с кем я имею честь беседовать и чьим столь радушным гостеприимством пользуюсь?

– Зовут меня Франсуа Роша, доктор философии, – ответил старик.

В свою очередь я назвал себя, и мы крепко пожали друг другу руки.

После второго стакана вина, любезно предложенного мне доктором, меня стала одолевать сильная дремота, глаза мои начали слипаться, и я сам не помню, как заснул, между тем как мой деликатный хозяин тихо и незаметно вышел из комнаты, оставив меня одного.

Спал я, кажется, довольно долго, потому что когда пробудился, то день клонился уже к вечеру. В комнате, кроме меня, никого не было. Я поднялся с постели, бодрый и совсем не чувствуя никакой боли, кроме разве усиленного сосания под ложечкой, так как в этот день с самого утра решительно ничего не ел.

Комната, в которой я находился, была, по-видимому, кабинетом доктора. Против одного из окон стоял большой письменный стол, весь заваленный книгами и рукописями. У одной из стен находился огромный стеклянный шкаф, также наполненный сверху и донизу рукописными тетрадями. В углу стоял умывальный столик, на нем таз и кувшин с чистой водой.

Узенькая витая лестница вела наверх, в обсерваторию. Я умылся, оделся и вышел в соседнюю комнату, в надежде найти моих хозяев; но ни в этой комнате, ни в кухне никого не оказалось. Я посмотрел в окно, но и поблизости жилища никого не было. Тогда, возвратившись в кабинет доктора, я поднялся по винтовой лестнице в обсерваторию, рассчитывая застать его там, но и там его не оказалось.

Я глянул с вышки на расстилавшуюся передо мною панораму и замер от удивления и восторга. Трудно вообразить более величественное и живописное зрелище, представившееся моим глазам! Солнце, близкое уже к закату, обливало своими золотыми лучами всю эту картину красивым, розовато-пурпурным светом и придавало ей меланхолически-задумчивый оттенок. [...]

Насладившись, наконец, созерцанием чудного вида, от которого невозможно было оторвать глаз, я стал в деталях рассматривать место, на котором была построена обсерватория. Оказалось, что место для нее было выбрано так, что она была совершенно скрыта от глаз любопытных и докучливых туристов, – этим только и можно было объяснить, что об ее существовании никому и ничего не было известно. Во-первых, она была устроена на одной из второстепенных вершин Монблана, и притом на такой из них, которые менее всего по своему внешнему виду служат приманкой для подъема на них туристов; а во-вторых, самое здание, на котором находилась вышка для наблюдений, стояло в небольшой ложбинке, образовавшейся на этой вершине, и снизу было совершенно скрыто от глаз посторонних наблюдателей, к тому же, оно было выкрашено белой краской, так что среди окружавших снегов никому не бросалось в глаза даже и на близком расстоянии. И только самая обсерватория, т. е. вышка со стеклянной крышей, возвышалась над общим уровнем верхней площадки горы, но таким образом, что с нее можно было прекрасно обозревать все окрестности, не говоря уже о безбрежном небе, между тем как ее можно было заметить снизу только разве в сильную подзорную трубу, да и то заранее зная о месте ее нахождения. Та сторона, с которой ее легче всего можно было бы видеть, ограничивалась зияющей пропастью, а противолежащие горы были совершенно недоступны для подъемов, и таким образом прикрывали ее.

Осмотрев местоположение обсерватории, я стал рассматривать ее внутренность.

Внутри она ничем особенным не отличалась от других, известных мне, обсерваторий: те же инструменты, такие же приборы. Только рядом с главной астрономической трубой стояла другая труба, очень небольшого диаметра, но гораздо длиннее первой; внешний конец ее выходил наружу, за стеклянную крышу обсерватории, а внутренний был закрыт крышкой, заворачивающейся, как у обыкновенной трубы.

Желая посмотреть в эту трубу, я отвинтил крышку, но только что хотел подставить к отверстию глаз, как вдруг услышал подле себя чей-то совершенно незнакомый голос, явственно проговоривший по-русски:

– Здравствуйте! Ну, как вы себя чувствуете после своего воздушного прыжка?

Я с изумлением оглянулся кругом, но, кроме меня, в обсерватории решительно никого не было.

«Что это? Уж не галлюцинация ли?» – невольно подумал я.

– Вы, кажется, изумлены, не видя того, кто с вами говорит? – продолжал тот же голос.

– Признаюсь – да, и даже очень! – ответил я.

– Немудрено, – продолжал таинственный собеседник, – и вы еще более изумитесь, если я вам скажу, что с вами разговаривает обитатель совершенно иного мира: я житель планеты Марс и нахожусь от вас, по меньшей мере, на расстоянии 70 миллионов верст.

– Вы, конечно, шутить изволите, – возразил я, – тем не менее, я поставлен в тупик и решительно не могу понять, где вы и с кем я имею честь беседовать?

– Но я совсем не шучу; уверяю вас, что я нахожусь на Марсе.

Мне было и смешно и досадно, что со мной так фамильярно, ни с того ни с сего, начинает шутить какой-то совершенно не знакомый мне человек.

– Однако, господин обитатель надзвездного мира, – заговорил я, принимая также шуточный тон и под ним стараясь скрыть свое раздражение, – прежде чем попасть на Марс, вы, вероятно, первоначально жили долгое время в России, так как владеете русским языком в совершенстве.

– Ничуть не бывало; но из нас здесь многие знают все ваши земные языки и наречия. Не трудитесь меня отыскивать, – добавил он, очевидно, видя, что я заглядываю во все углы обсерватории, теряясь в догадках, где скрывается мой таинственный собеседник. – Я говорю с вами посредством той трубы, крышку которой вы только что отвинтили. Это изобретение доктора Роша, вашего хозяина. Если вы снова закроете трубу, ни вы, ни я не будем иметь возможности слышать друг друга.

Я невольно обратил внимание на трубу, и каково же было мое изумление, когда я убедился, что голос говорившего со мною выходил действительно из этой трубы, наружный конец которой был обращен по тому направлению, где должна была находиться планета Марс. Труба была настолько узка, – не более полутора вершков в диаметре, – что уже никоим образом нельзя было предположить, чтобы разговаривавший со мною мог запрятаться в нее; на крыше обсерватории его также не могло быть, потому что крыша была стеклянная и через нее было все видно.

«Что за дьявольщина! – подумал я, чувствуя себя в совершенно дурацком положении, как мальчишка, с которым вздумала пошутить ловко спрятавшаяся нянька. – Этот доктор просто волшебник, раз у него в доме приходится разговаривать с какими-то невидимыми личностями».

Из любопытства я подставил глаз к трубе, но там было непроницаемо темно, так что решительно ничего нельзя было разобрать.

– О, через эту трубу вы ничего не увидите, ее назначение состоит в том, чтобы слушать. Да уверяю же вас честным словом, что я говорю сущую правду, – сказал мой невидимый собеседник, опять-таки, очевидно, следивший за всеми моими движениями.

– Но вы-то каким образом меня видите? – совершенно растерявшийся и сконфуженный, вскричал я.

– Я вижу вас в телескоп, но таких телескопов у вас на земле ещё нет, – ответил называвший себя обитателем Марса.

– Странно! изумительно! невероятно! – пробормотал я. – И однако же, если только я не нахожусь в бреду после своего падения, сознаюсь откровенно, что я близок к тому, чтобы поверить, что действительно имею честь разговаривать если и не с неземным, то, во всяком случае, с невидимым существом.

– Да что же здесь невероятного? – возразил загадочный голос. – Ведь, надеюсь, не будете вы отрицать возможности устройства и у вас на Земле таких астрономических труб, посред-

ством которых можно будет приблизить к себе и нашу планету на такое расстояние, что сделается возможным видеть не ней все мелочи, как мы теперь видим на вашей Земле. В этой идее, я полагаю, нет ничего невозможного; почему же вы не допускаете мысли, что можно устроить также и такой инструмент, при помощи которого можно слышать все, что говорят на других планетах? Давно ли для вас казалось невозможным переговариваться на большом расстоянии, а вот же теперь у вас существуют телефоны и уже никого не удивляют. Господин Роша, изобретатель этой трубы, несколько опередил других ваших изобретателей – вот и все. Да вот, кстати, он и сам идет; вероятно, он вам сообщит подробнее о своем изобретении.

II

Действительно, в это время раздались шаги по винтовой лестнице. Я обернулся и на пороге увидел входившего Роша.

– Добрый вечер, любезный доктор! Сознайтесь, что это вы сейчас меня мистифицировали? – сказал я, идя к нему навстречу и все еще будучи далек от мысли поверить в то, что я тут только что слышал: так все это было невероятно.

Заметив в моих руках крышку от разговорной трубы, доктор недовольно нахмурил брови, и только тут на его лице я ясно прочел, что со мною совсем не шутили.

– О, доктор! Ради бога, извините! – спохватился я, закрывая трубу и поняв, наконец, что изобретение это было тайною доктора. Я почувствовал себя в положении человека, уличенного в подслушивании или подглядывании чужих секретов.

– Мог ли я предполагать, зайдя сюда, – стал я оправдываться, – что сделаюсь невольным свидетелем и очевидцем вашего великого открытия, которое вы, по известным вам соображениям, не хотите предавать гласности? Но клянусь вам, что ваша тайна умрет вместе со мною!

Должно быть заметив на моем лице искреннее страдание от сознания своей невольной нескромности, доктор тотчас же подавил свою досаду, улыбнулся и мягко заговорил:

– Успокойтесь, молодой человек! Вы тут ровно ни в чем не повинны. Если здесь и можно кого-либо обвинять, то уж, разумеется, прежде всего меня самого. Много лет берег я, как зеницу ока, от всего мира свой секрет, и вдруг оказался настолько неосмотрительным, что оставил вас, совершенно не знакомого мне человека, один на один со своим открытием!

От этих слов доктора я сконфузился дотога, что у меня слезы выступили на глазах.

– Успокойтесь! – повторил он снова, видя мое мучительное смущение. – Раз вы узнали об этой тайне, значит, так и должно быть. Я на этот счет немножко фаталист. В мире ничто не совершается без причин и без цели, хотя в большинстве случаев мы и не замечаем разумности и целесообразности совершающегося с нами и вокруг нас. И я, старый дурак, очень сожалею, что невольно поддался врожденному в каждом из нас самолюбию, будто мы что-то значим со своей волею и своим разумом, позабыв про то, что все мы только слепое орудие чьей-то чужой воли, руководящей всеми нашими поступками и действиями. Извините же меня, ради бога, за мою старческую строптивость!

И он протянул мне, в знак примирения, руку.

С сердечным порывом схватил я и пожал руку этого удивительного человека, извинявшегося перед тем, кто ему же причинил неприятность; я не находил слов, чтобы выразить ему чувство того глубочайшего почтения и уважения, которым я к нему проникся.

– Однако соловья баснями не кормят! Ведь вы сегодня целый день еще ничего не ели. Идемте ужинать! – весело добавил он, взяв меня за плечо и тихонько поворачивая к выходу.

Мы спустились вниз, в кухню, где Жозеф, такой же старый, как и его хозяин, давно уже с нетерпением поджидал нас, боясь, чтобы не подгорело жарившееся жаркое.

За ужином у доктора прошла всякая тень неудовольствия, и он дотога повеселел и разошелся, что даже рассказал мне свою биографию, а равно и историю своего великого изобретения.

Господин Роша, швейцарец по происхождению, был когда-то очень богатый человек, но потом он все свое богатство употребил на устройство обсерватории, стоившей много денег, так как все материалы для необходимых построек должны были носить на эту высоту проводники на себе.

По окончании университетского курса Роша, с малых лет чувствовавший особенное влечение к изучению небесных светил и к наблюдениям над ними, отправился в Париж. Там он много лет работал в качестве ассистента у одного знаменитого астронома. Проводя очень много

времени в обсерватории над наблюдениями небесных светил, Роша, как впоследствии Фламарион, пришел к заключению, что некоторые из планет населены такими же разумными существами, как и люди на Земле. В особенности его интересовала планета Марс, и он скоро убедился, что обитатели этой планеты не только существа разумные, но что они даже выше нас в умственном отношении, что они подают нам на землю сигналы, желая вступить в переговоры.

– Я часто замечал, – рассказывал Роша, – какие-то световые, огненные фигуры на Марсе, которые изменяли свою форму. То я видел огненный кружок, то крест, то квадрат, иногда круг в квадрате, иногда квадрат в круге и т. д. Наблюдая постоянно это странное явление, я заметил, что число таких огненных знаков ограничено, и часто одни и те же фигуры повторяются. Я попробовал пересчитать все эти разнообразные фигуры, их оказалось 26 – ровно столько, сколько букв в нашем алфавите. Это навело меня на мысль, что, возможно, и у обитателей Марса алфавит не богаче нашего. Но если они хотят вести переговоры с нами на своем языке, то каким же образом они, столь умные и развитые, – если сумели найти способ подавать нам световые сигналы, – каким же образом они могут предполагать, что мы должны непременно знать их язык? Долго я ломал себе над этим голову, как стал замечать, что всякий раз, лишь только начинают появляться на Марсе световые фигуры, – а они появлялись всегда в определенное время, – эти фигуры постоянно начинаются пятью неизменными, изо дня в день повторяющимися, и оканчиваются четырьмя также неизменными, хотя и неодинаковыми с первыми. Промежуток же между этими постоянными заполнялся уже разнообразными перемежающимися фигурами.

Не могу себе объяснить, как это случилось, но только, отчаявшись, наконец, узнать когда-либо язык обитателей Марса, я попробовал разобрать шифр, применяясь к французскому языку. Что могло обозначать начальное слово? Беря за образец отправку обыкновенных телеграфных депеш, это слово, всего вероятнее, должно было обозначать адрес, куда идет депеша, – пункт назначения, т. е. в данном случае Terre. Что могло обозначать конечное? Скорее всего, пункт отправления, т. е. Mars. По световым фигурам выходило, что букве *t* соответствовал квадрат; букве *e* – круг с крестом внутри; букве *r* – шар; второму *r* – опять шар; и, наконец, последней букве *e* – снова круг с крестом внутри, как и первому *e*. Вы не можете себе представить того волнения, которое меня охватило от этого странного совпадения двух одинаковых знаков, соответствовавших двум одинаковым буквам. Но, может быть, это была просто-напросто случайность? Я стал разбирать конечное слово, долженствовавшее, по моему предположению, обозначать Mars. Букве *t* соответствовал крест; букве *a* – круг; букве *r* – шар, заметьте – шар, как и в слове terre; и букве *s* – круг с точкой внутри. «Для начала недурно», – подумал я. Но ведь если шифр был разобран верно, то необходимо было допустить, что обитатели Марса говорят по-французски, а это мне казалось абсурдом. Однако, допустив, что шифр был разобран действительно верно, я имел уже, таким образом, расшифрованными целых шесть букв, а с таким запасом уже нетрудно, конечно, расшифровать и остальной алфавит. И вот, все еще будучи далек от уверенности, что я нахожусь на истинном пути, и все еще приписывая эти странные совпадения в буквах и соответствующих им знаках случайности, я начал расшифрованные буквы вставлять соответственно тем световым фигурам, которые находились между предполагаемыми мною словами Terre и Mars, и, после непродолжительных усилий, к своему неопишуемому удивлению, почти ужасу, разобрал следующее:

Вы прочли верно, господин Роша!
Следите далее! Да здравствует разум!

И это было по-французски, и это обращение ни к кому иному, а прямо ко мне, Франсуа Роша!..

Ах, молодой человек! Проживи я на свете еще тысячу лет, я никогда не забуду того счастья, того неземного восторга, которые я испытал в те минуты! Меня душили слезы, я плакал, как малый ребенок, от радости! Мне казалось, что весь мир для меня переродился, показался мне в каком-то новом освещении!.. Нет, вы представьте только себе, что не по одним лишь логическим умозаключениям и догадкам прийти к выводу, а прямо своими чувствами убедиться, что весь этот необъятный мир, который мы видим вокруг себя и над собой, все эти бесконечно удаленные от нас, неисчислимые небесные тела, или, по крайней мере, многие из них, населены такими, же разумными и мыслящими существами, как и мы с вами; даже, может быть, существами гораздо более нас развитыми и умными, которые в то же время интересуются нами и стараются вступить с нами в сношения для взаимного обмена мыслей, словом – почувствовать, что вся вселенная кишит разумом, и ты сам составляешь крупинку этого всемирного, необъятного разума; представьте, говорю, все это и скажите – возможно ли передать словами то блаженное состояние, которое должно охватить вас от этого сознания?!.. О, я не сомневаюсь, что разум так же неуничтожим и вечен, как вечна и неуничтожима материя, в которой он проявляется, и мы, мыслящие живые существа, представляем из себя только видимую материальную форму, сосуд, в котором заключена частичка, искорка этого бессмертного разума, и эта искорка, после разрушения нашего бренного тела, не умрет, не уничтожится, не пропадет бесследно, а примет только иную, может быть, высшую форму, как не уничтожится материя, из которой состоит наше тело, а только превратится в свои первоначальные элементы! [...]

– Но как же, неужели обитатели Марса говорят по-французски? – спросил я после некоторой паузы, наступившей вслед за воодушевленным монологом Роша.

– Не только по-французски, но и по-русски, как вы сами изволили убедиться из вашего разговора через трубу. Разумеется, для обыденных сношений между собой у них есть свой язык. Но при помощи акустических труб, вроде той, что вы видели у меня в обсерватории, и при посредстве своих усовершенствованных телескопов они имеют возможность видеть и слышать до мельчайших подробностей все, что происходит у нас на Земле, а видя нас и слыша, уже нетрудно понять и изучить наши земные языки. Если же принять во внимание, что у обитателей Марса нет тех насущных забот о завтрашнем дне и о куске хлеба, которые убивают почти все наше время, то им и не остается ничего более, как только предаваться умственным занятиям, а между прочим, и изучению языков обитателей других планет.

– Вы мне рассказываете просто какие-то чудеса в решете! – воскликнул я, разводя в недоумении руками – Но скажите, как вы-то додумались до устройства этой изумительной акустической трубы?

– Додумался до этого не я, а они же научили меня, как ее устроить. Когда я раскрыл шифр таинственных световых знаков и научился по ним читать, я хотел сообщить о своем открытии нашим ученым, но обитатели Марса предупредили меня, чтобы я пока этого не делал. так как, по их каким-то, не известным мне соображениям, пора для этого еще не настала. Вот поэтому я и держал свое открытие в секрете, да и вас прошу никому ничего не говорить о нем. Впрочем, если я не доживу до той поры, когда обитатели Марса разрешат мне опубликовать его, ну, тогда можете делать, как знаете.

– О, в моей скромности можете не сомневаться, – сказал я. – И будем надеяться, что мне не придется первому воспользоваться вашим разрешением:

– Ну, кто знает? – со вздохом заметил Роша. – Будущее никому неизвестно; да это и к лучшему, иначе и жить было бы не так любопытно. Впрочем, оставим эти печальные мысли. Итак, – продолжал он свой рассказ, – когда я начал свободно читать то, что мне передавали с Марса, по совету своих новых друзей из другого мира и по их указаниям, я построил здесь, на Монблане, свою собственную обсерваторию, в которой вот уже около десяти лет продолжаю жить, работать и наблюдать. Что касается до акустической трубы, так вас поразившей, то она устроена, как я уже сказал, по указаниям, данным мне также с планеты Марс. [...]

III

Предоставляю судить самому читателю, с каким вниманием и удивлением слушал я своего хозяина, стараясь не проронить ни единого слова из того, что он мне рассказывал. Не будь этой изумительной трубы, через которую я сам только что разговаривал с обитателем планеты Марс, я ни за что не поверил бы словам доктора и, если бы не принял его за помешанного, то, наверное, подумал бы, что он шутит. Но доказательство было налицо, и нельзя было не верить очевидности.

– Воображаю, – сказал я, – сколько новых истин, сколько новых сведений почерпнули вы; беседа с обитателями неведомого нам мира!

– Да, – сказал Роша, – у них есть чему поучиться. Но из одних бесед, я, конечно, никогда не составил бы себе такого ясного понятия о природе Марса и жизни его обитателей, какое имею теперь, побывав сам несколько раз на этой планете.

– Побывав сам на этой планете? – повторил я, думая, что ослышался.

– Да, побывав сам довольно значительное число раз в гостях у марсиан, – повторил Роша совершенно невозмутимо.

Признаюсь, я широко раскрыл глаза от изумления, услышав это неожиданное заявление. «Ну, разумеется, он помешан, бедный старик! – мелькнуло у меня в голове. – Конечно, он сделал великое открытие, но, не делаясь этим открытием ни с кем в продолжение многих лет, он начал галлюцинировать, и ему стало казаться, что он не только разговаривает с обитателями Марса, но даже ездит к ним в гости». [...]

Наступило неловкое молчание.

– То есть вы хотите сказать, что бывали там на крыльях вашей фантазии? – нашелся я, наконец, в самом деле подумав, не выражается ли он метафорически.

– На каких там крыльях фантазии? Я действительно бываю иногда на Марсе, – вполне серьезно ответил он.

После такого категорического заявления я уже окончательно смутился и, потупившись, замолчал. Роша вдруг расхохотался, и видя, что я на него смотрю с беспокойством, почти со страхом, он расхохотался еще более.

– Ха, ха, ха! Да вы, батенька мой, я вижу, не только мне не верите, но принимаете меня за помешанного! Сознавайтесь, ведь это верно? Я угадал? – обратился он вдруг ко мне.

– Простите, но я думаю, что вы меня просто мистифицируете, – ответил я.

– Не думал мистифицировать, молодой человек! Совсем не думал. Впрочем, для меня вполне понятно ваше недоверие; я совершенно выпустил из виду, что то, что для меня теперь уже кажется вполне естественным и к чему я давно привык, для вас, с первого раза, должно казаться невероятным и невозможным. Но, уж если на то пошло, так и быть, я открою вам все свои тайны; даже более, если вы только пожелаете, я могу устроить и вам путешествие на Марс: авось, вы тогда отбросите свой скептицизм. [...]

– Это любопытно! – рассмеялся я. – В каком же экипаже вы могли бы меня туда доставить?

– А вот угадайте! – улыбнулся Роша.

Этот, не то серьезный, не то шуточный тон, а в особенности необычайная разговорная труба наверху совершенно сбили меня с толку, и я положительно не знал, что и думать о словах Роша. Да неужели же это не шутка? Неужели в самом деле он нашел средство путешествовать на Марсе? Что за чепуха! Это немыслимо! Планета Марс отстоит от Земли в самое благоприятное для наблюдений над нею время на расстоянии 52-х миллионов верст. Чтобы перенестись через это пространство даже со скоростью пушечного ядра, и то потребовалось бы употребить годы.

Не утилизировал ли он как-нибудь силу света, не путешествует ли туда, подобно какому-нибудь жюльверновскому герою, на солнечном луче? Но это уж совсем неправдоподобно. Да если даже допустить, как это ни невероятно, что, пользуясь советами марсиан, он действительно нашел средство бывать на Марсе, то ведь атмосфера этой планеты совсем не похожа на нашу земную, и, следовательно, земные существа не могут в ней жить. Что за чудеса! Или он действительно сумасшедший, или он дурачит меня!.. И, однако же, он с такой уверенностью утверждает, что может даже и мне доставить случай побывать на этой планете... Ну, конечно, он шутит! – решил я.

– А между тем невозможного тут решительно ничего нет, – заговорил Роша, как бы угадывая направление моих мыслей. – Все так естественно и просто. И если я расскажу вам, в чем дело, то вы и сами убедитесь, что побывать на Марсе вовсе уж не так несбыточно, как это кажется.

– Однако...

– Вы, конечно, имеете понятие о гипнозе? – перебил он меня.

– Да, кое-что слышал,

– Явления гипноза у нас стали изучать только в самое недавнее время, и наука об этом интересном предмете еще мало разработана. Между тем обитатели Марса уже давно изучили это явление в деталях и сумели его утилизировать для различных практических целей. Вот при помощи-то этого гипнотического внушения я и имею возможность бывать на Марсе.

– Ах, вот оно что! – вскричал я. – Теперь я понимаю! Так, значит, вы бываете там не телесно, а только, так сказать, духовными очами созерцаете их мир? То есть, в сущности, при помощи той же фантазии?

– Ну, не совсем так, – возразил Роша. – Правда, тело мое остается здесь, на Земле, но мое внутреннее сознание, то, что составляет мое «я», всецело переселяется на планету Марс, и притом не в виде чего-то неосязаемого, невещественного, – иначе я не мог бы познавать вещественную природу Марса, – а мое «я» переселяется в вещественную форму, в тело кого-нибудь из обитателей этой планеты.

Я снова широко раскрыл глаза.

– Вам кажется это невероятным? – спросил Роша, видя мое изумление.

– Откровенно сознаюсь – да.

– Видите ли, в чем дело: изучение в области гипноза дало обитателям Марса возможность делать то, что, усыпляя двух каких-либо субъектов, они заставляют их, при помощи внушения, поменяться на время своими «я», и это делается так же легко, как мы меняемся, например, иногда своей одеждой.

– Но, помилуйте! Неужели же это мыслимо! – воскликнул я.

– Оказывается, что не только мыслимо, но нет ничего проще. Наша наука пока констатировала только, что загипнотизированному можно, по произволу, внушать какие угодно идеи: обыкновенному мирному гражданину можно внушить, например, что он – солдат, действующий на войне, и он тотчас же примет военную осанку и будет воображать себя на театре военных действий; внушите храброму, что он трус и что ему угрожает опасность, и лицо его исказится от страха, и он будет унижаться и пресмыкаться; трусу внушите, что он храбрец и герой, – и он сейчас же примет горделивую позу и станет вести себя с видом, полным достоинства; словом, из загипнотизированного можно делать все, что угодно. Замечено также, что при некоторых болезнях воли одно и то же лицо может жить иногда двойной жизнью; в один период оно сознает себя одним человеком, наступает другой – и это лицо совершенно позабывает о своем прежнем «я» и начинает жить, как совершенно новый человек, ничего общего не имевший с прежним, пока опять не наступит время и больной не позабудет свое второе «я» и не начнет жить жизнью своего первого «я»; причем, за исключением этой забывчивости о предыдущем

периоде своей жизни, все умственные способности у таких субъектов работают, по-видимому, вполне нормально. Вы, конечно, слышали о подобных явлениях?

– Положим, слышал, – сказал я. – Но, все-таки, отсюда до переселения души из одного человека в другого еще очень далеко.

– Далеко кажется только потому, что мы не исследовали, как должно, душевные явления и для нас много в них загадочного и непонятного. А между тем человечество давно уже имеет с ними дело, и вера индусов в переселение душ уж вовсе не так бессмысленна, как это нам кажется, – она имеет много реальных оснований... Впрочем, зачем нам углубляться в эти рассуждения? Вот же вам факт налицо: я сам несколько раз переселялся в тело марсианина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.